

УДК 341.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСГРАНИЧНАЯ СДЕЛКА: ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО И ПОДСУДНОСТЬ

Подрейко С.С.¹,

магистрант кафедры гражданского права и процесса

Юридического института

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, Белгород

Карабутова Е.А.,

магистрант кафедры гражданского права и процесса

Юридического института

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, Белгород

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы определения применимого права и подсудности в отношении цифровых трансграничных сделок в рамках российской доктрины и практики международного частного права. Акцент делается на анализе коллизионных норм раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации в контексте сделок, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных сетей, где такие классические критерии, как «место жительства стороны», «место осуществления деятельности» и «место совершения сделки», теряют свою географическую определенность. Исследуется влияние на российский правопорядок принципа

¹ Научный руководитель - Яковлев В.И., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия, Белгород

Yakovlev V.I. - Ph.D., Associate Professor, Department of Civil Law and Process Legal Institute of Belgorod State national research university, Russia, Belgorod

автономии воли сторон, закрепленного в Гаагских принципах 2015 года о выборе права в международных коммерческих договорах, а также практика российских судов по делам о взыскании оплаты за цифровой контент и программное обеспечение. В части процессуальных вопросов анализируются нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ и критерии «существенной связи» спора с российской юрисдикцией, возникающие при использовании зарубежных онлайн-платформ российскими потребителями. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития и конкретизации коллизионных начал, направленных на адекватное регулирование цифровой коммерции в трансграничном пространстве.

Ключевые слова: международное частное право, цифровая сделка, трансграничный договор, применимое право, подсудность, автономия воли, коллизионные нормы, право, подлежащее применению, потребитель, Гражданский кодекс РФ.

DIGITAL CROSS-BORDER TRANSACTION: APPLICABLE LAW AND JURISDICTION

Podreiko S.S.,

*graduate student of the Department of Civil Law and Process Legal Institute
Belgorod State national research university
Russia, Belgorod*

Karabutova E.A.,

*graduate student of the Department of Civil Law and Process Legal Institute
Belgorod State national research university
Russia, Belgorod*

Abstract. The article addresses the key issues of determining applicable law and jurisdiction in relation to digital cross-border transactions within the framework of Russian doctrine and practice of private international law. The emphasis is on the
дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

analysis of the conflict of laws norms of section VI of the Civil Code of the Russian Federation in the context of transactions made through information and telecommunication networks, where such classic criteria as "place of residence of the party," "place of business" and "place of transaction" lose their geographical certainty. It examines the impact on the Russian legal order of the principle of autonomy of the will of the parties, enshrined in the Hague Principles of 2015 on the choice of law in international commercial contracts, as well as the practice of Russian courts in cases of recovery of payment for digital content and software. In terms of procedural issues, the norms of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the criteria for "significant connection" of the dispute with Russian jurisdiction arising from the use of foreign online platforms by Russian consumers are analyzed. It is concluded that it is necessary to further develop and concretize the conflict principles aimed at adequate regulation of digital commerce in cross-border space.

Key words: international private law, digital transaction, cross-border contract, applicable law, jurisdiction, autonomy of will, conflict of laws rules, law to be applied, consumer, Civil Code of the Russian Federation.

Стремительная цифровизация экономики, выражаясь в повсеместном заключении договоров купли-продажи цифрового контента, лицензионных соглашений на программное обеспечение (SaaS), оказании облачных услуг и регистрации на иностранных электронных площадках, поставила перед международным частным правом (МЧП) новые вызовы. Классический инструментарий МЧП, сформированный в эпоху «материальной» коммерции, испытывает значительные трудности при разрешении коллизий, возникающих в виртуальном пространстве, где физическая локализация действия, сторон и предмета договора зачастую отсутствует или носит фиктивный характер. В центре этих трудностей находятся два фундаментальных вопроса: право какого государства подлежит применению к существу спора (применимое право) и суд какой страны компетентен этот спор разрешать (подсудность). Как верно

отмечал В.П. Звеков, «коллизионная проблема — это проблема выбора права... подлежащего применению к тому или иному частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом» [5, с. 45]. В цифровой среде сам «иностранный элемент» приобретает диффузный и многокомпонентный характер.

В российском правопорядке основным источником коллизионных норм является раздел VI части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Его базовый принцип — автономия воли сторон (ст. 1210 ГК РФ) [2], согласуется с общемировой тенденцией и нашел свое максимальное выражение в Гаагских принципах 2015 года о выборе права в международных коммерческих договорах [4]. Принципы прямо указывают, что выбор права может быть сделан или изменен по соглашению сторон «в любое время», а его действительность не зависит от наличия разумной связи с избранным правопорядком (ст. 2(2) Принципов). Этот подход является доминирующим для сделок между профессиональными участниками рынка (B2B). Например, российская компания, приобретающая услуги хостинга у американского провайдера Amazon Web Services, в стандартном договоре присоединения (click-wrap agreement) неизбежно столкнется с выбором права штата Вашингтон и исключительной подсудностью судов США. Российский суд, руководствуясь статьей 1210 ГК РФ, признает такую оговорку действительной, если только ее применение не приведет к явному противоречию с публичным порядком РФ (ст. 1193 ГК РФ).

Однако наиболее острые коллизии возникают в сфере отношений с участием потребителей (B2C), где принцип автономии воли ограничен в целях защиты слабой стороны. Статья 1212 ГК РФ содержит императивные коллизионные нормы, гарантирующие потребителю применение права страны его места жительства, если присутствует хотя бы один из альтернативных критериев: деятельность контрагента осуществляется или направлена на территорию этой страны. Именно категория «направленности деятельности» становится ключевой для цифровых сделок. Российский законодатель, вслед за Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Регламентом ЕС «Рим I», закрепляет эту концепцию, но ее конкретное наполнение оставляет на усмотрение судебной практики. Заключая договор лицензии на антивирусное программное обеспечение с иностранной компанией через ее веб-сайт, имеющий русскоязычную версию, принимающий оплату в рублях через российские платежные системы и предоставляющий техподдержку на русском языке, российский потребитель, по сути, взаимодействует с правопорядком, «направленным» на Россию. В этом случае, несмотря на возможную оговорку в договоре о праве иной страны, к отношениям сторон в части защиты прав потребителя будут применяться императивные нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» [3]. Яркой иллюстрацией служит практика по искум к компании «Apple» о взыскании неосновательного обогащения за списанные, но не предоставленные цифровые товары в App Store. Суды, устанавливая направленность деятельности на Россию (наличие рублевого ценового сегмента, локализованный интерфейс), применяли российское законодательство о защите прав потребителей, взыскивая в пользу истцов убытки и штраф [6, с. 61].

Сложнее обстоит дело с определением подсудности. Вопрос о том, может ли российский потребитель подать иск к иностранному цифровому провайдеру в суд по своему месту жительства, решается на основе Арбитражного процессуального кодекса (АПК РФ) [1] и Гражданского процессуального кодекса (ГПК РФ). Для арбитражных судов ключевой является ст. 247 АПК РФ, которая предполагает наличие «существенной связи» спора с территорией РФ. Факторы, свидетельствующие о такой связи (целевая русскоязычная реклама, домен .ru, региональные цены), аналогичны критериям «направленности деятельности» в коллизионном праве. В гражданском процессе (для физических лиц) ст. 402 ГПК РФ также допускает подсудность спора российскому суду, если ответчик осуществлял деятельность на территории РФ. Проблема заключается в последующем признании и приведении в исполнение решения российского суда на территории государства регистрации иностранного ответчика, особенно если

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

договор содержал эксклюзивную оговорку о подсудности суду другого государства. Эта проблема выходит за рамки национального права и требует международно-правовой гармонизации, подобной той, что предлагается в проектах Гаагской конференции по международному частному праву.

Особую категорию составляют сделки с криptoактивами и с использованием смарт-контрактов, где алгоритмический код может де-факто подменять собой коллизионную оговорку. Доктрина предлагает различные подходы к их квалификации — от «бесправовых» отношений до необходимости применения права, наиболее тесно связанного с инициирующей стороной или местом нахождения валидатора сети. Российское право, с принятием закона «О цифровых финансовых активах», лишь начинает формировать для них материально-правовой режим, оставляя коллизионные вопросы открытыми. Как справедливо отмечает А.А. Шамтов, «децентрализованная природа технологии блокчейн создает принципиальные сложности для использования традиционных коллизионных привязок» [7, с. 112].

Таким образом, действующее российское международное частное право, опираясь на гибкие критерии «направленности деятельности» и «существенной связи», в целом обладает необходимым инструментарием для регулирования цифровых трансграничных сделок, что подтверждается формирующейся судебной практикой. Однако для обеспечения правовой определенности и защиты национальных интересов, особенно в сфере B2C, требуется дальнейшая конкретизация этих критериев на законодательном уровне, а также активное участие России в разработке международных конвенций, способных предложить унифицированные решения для вызовов цифровой эпохи. Без этого участники оборота будут сталкиваться с рисками непредсказуемого определения юрисдикции и применимого права, что может сдерживать развитие трансграничной электронной коммерции.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3012;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2001 г. № 49 ст. 4552;
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-І «О защите прав потребителей» // Российская газета от 7 апреля 1992 г.;
4. Гаагские принципы о выборе права в международных коммерческих договорах (2015) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hcch.net> (дата обращения: 12.01.2026);
5. Звеков В.П. Международное частное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2004. – 685 с.;
6. Канашевский В.А. Международное частное право: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2018. – 768 с.;
7. Шамтов А.А. Смарт-контракты и блокчейн в международном частном праве: новые вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 5. – С. 108–118.